

Поэтические штудии

Григорий Беневич

Поэт-поводырь

(О ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ СТРАТАНОВСКОГО)

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_292

Настоящая статья написана главным образом на материале вышедшего в 2021 году сборника избранных стихов Сергея Стратановского 1968–2018 годов «Человек асфальта»¹, в котором (его названии, композиции и составе), как я постараюсь показать, поэт сам очертил основную траекторию своего творчества (за пятьдесят лет!)² и дал некоторые существенные ключи к своей поэтике. Разговор об этом сборнике, таким образом, будет не только и не столько разговором о нем, сколько обсуждением поэзии Стратановского в целом. Но начнем с названия.

В стихотворении «Городская прогулка» (1972) Виктор Кривулин вступает в беседу с Евгением Боратынским, совершая прогулку невдалеке от «свеженаваленного асфальта», который «горяч, как чернозем». Смысл этой воображаемой беседы — в постановке вопроса о возможности идти тем же путем (Кривулин изображает его как «путь зерна» или путь христианской парадигмы — смерти и воскресения), что и Боратынский, но в совершенно иных условиях. Кончается стихотворение таким размышлением:

Кто был зерном, кто семенем — тому
да хрящ иной и вправду плодоносен,
и жизнь его продлят стволы прямые сосен,
и, брошенное некогда во тьму
взойдет из тьмы, и с легкостью отбросим
постель из слякоти — последнюю тюрьму.

1 Стратановский С. Человек асфальта: Избранные стихи 1968–2018 годов. М.; СПб.: Пальмира, 2021 (Серия «Часть речи»). Все ссылки на стихи Стратановского, если не указано другого, даются по этому изданию в круглых скобках в тексте статьи.

2 Притом что книга выпущена в 2021 году, 2018 год в название, очевидно, попал не случайно.

Да, Боратынский, ты живешь. Твоя стезя,
иная слову, иглами шевелит.
Но мне-то лечь в асфальт, что над землею стелят!
Не в землю, но туда, где умереть нельзя,
чтобы воскреснуть. Шел ремонт. Расплавленной смолою
тянуло отовсюду...³

Через четверть века, на излете 1990-х, в совершенно иных, но преемственных по части «асфальта» (его суть еще предстоит понять) условиях Сергей Стратановский написал стихотворение, одна мифологема которого и дала название выпущенному им в 2021 году сборнику избранных стихов:

Ты — человек асфальта —
порожденье субстанции уличной,
Мерзкой тьмы подботиночной,
а не земли первовещной,
Древоносицы вечной
и в асфальт закатают, наверно,
Твою душу увечную.

1998 (С. 100)

Преемственность с Кривулиным (надо ли упоминать, что они со Стратановским были друзьями и соратниками) очевидна, тем более интересно заметить различия. Струнки Кривулина, как и многие его стихи того времени, исполнены каким-то элегическим духом, с его тончайшим сочетанием печалования и надежды (да, тянет отовсюду смолой, но все же идет ремонт...). У Стратановского элегичности нет и в помине — есть самоотчет человека, который создан не из земли, но из мерзкой, попираемой ботинками тьмы, то есть, строго говоря, даже библейским Адамом называться не может, и чья душа «увечная» (полуантоним к «вечной»), наверное, будет закатана обратно в асфальт. Не знаю, когда появилась идиома «закатать в асфальт», но в бандитские девяностые она (со смыслом жестоко уничтожить, так что и следа не останется) получила самое широкое распространение.

Далее можно заметить, что лирический герой Кривулина — поэт; да, это поэт, живущий совсем в иных (асфальто-смоляных) условиях, нежели Боратынский, но все же определенно поэт, и не случайно он прогуливается и беседует с другим поэтом. Лирический герой Стратановского — не только в приведенном выше стихотворении, но и почти во всех стихах последнего сборника — отнюдь не поэт. В этом замечательная особенность поэзии Стратановского, отличавшая его с самого начала (с появления первых признанных им самим стихов, то есть с 1968 года) от большинства ближайших и наиболее ярких соратников по поэтическому цеху (Виктора Кривулина, Елены Шварц, Олега Охапкина, Александра Миронова, не говоря о позиционировавшем себя как поэта *par excellence* Викторе Ширали). И дело тут не только и не столько в личной скромности (чтобы не сказать — смирении) Стратановского, сколько в осознанно занятой им позиции дистанцирования от богемности как образа существования и в бытовом (см. хотя бы его стихотворение «Мастерская поэта» —

3 Кривулин В. Воскресные облака. СПб.: Пальмира, 2017. С. 10—11.

явно не о своей «мастерской»), и, что намного важнее, в творческом и экзистенциальном смысле.

В «человеке асфальта», душе которого грозит быть в него, этот асфальт, закатанным, может (в отличие от лирического героя-поэта у других поэтов) узнать себя каждый. Не каждый, впрочем, с такою остротою, как Стратановский, осознает эту опасность, встретит ее лицом к лицу и противостанет ей. Кто, собственно, хочет закатать нашу душу в асфальт, не стущает ли поэт и мы вместе с ним краски? Ничуть, если иметь в виду, что «закатывание души в асфальт» — это не физическое уничтожение бессмертной души (об этом поэт не рассуждает), а духовная смерть, духовная аннигиляция, угрозу которой Стратановский и как человек, и как поэт (здесь уже можно сказать и о поэте) ощущает, может быть, острее, чем кто-либо другой из современных стихотворцев.

Эта тема угрозы духовного уничтожения появляется у Стратановского буквально с первого, открывающего настоящий сборник (как и выпущенный в 2019 году «Изборник»⁴), стихотворения 1968—1972 годов, давно ставшего визитной карточкой поэта:

Тыква

Тысячеустая, пустая
Тыква катится, глотая
Людские толпы день за днём.
И в ничтожестве своём
Тебя, о, тыква, я пою,
Но съешь ты голову мою.

(С. 5)

Стихотворение это удивительно и многосмысленно, чего стоит хотя бы эта антиномия — поэт поет «Тыкву» и вместе с тем острейшим образом ощущает исходящую от нее угрозу для своей головы — быть съеденной вместе с другими. Угроза закатывания души в асфальт, похоже, какого-то такого же рода, только еще более страшная и беспощадная. Что касается Тыквы, то можно предположить, что она потому и достойна быть воспетой, что исходящая от нее для «головы» угроза быть съеденной вместе с другими имеет не только жуткий, но и какой-то позитивный смысл. В самом деле, принадлежащий толпе в лучшем случае — один из толпы. Это не настоящее, личное бытие, а только видимость его. Напротив, осознание угрозы быть поглощенным в качестве одного из толпы, угрозы, исходящей от Тыквы, позволяет поэту обрести себя и вместе с тем и свой голос.

Не претендую на однозначность толкования поэтического символа (он всегда богаче любого понимания), я бы рискнул высказать мнение о том, что Тыква в стихотворении Стратановского (какого бы она ни была происхождения в плане «источников» в мировой культуре⁵) прекрасно прочитывается как символ хайдеггеровского Das Man — объемлющего собой всю область несобственного существования с его тысячеустой «молвой», «толками» и т.п. При этом Хайдеггер не демонизирует Das Man, характерное для повседневного сущест-

4 Стратановский С. Изборник: Стихи 1968—2016. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.

5 Некоторые возможные культурные параллели перечислены в статье Андрея Арьева «О Боге и боли. Поззия Сергея Стратановского» (Урал. 2017. № 1 (<http://uraljournal.ru/work-2017-1-1719>)).

вования людей, но вместе с тем подчеркивает несобственность Dasein в модусе *Das Man*. Именно обращенность к этой проблематике, предельно серьезное отношение к ней позволяет ставить вопрос о собственном существовании с его аутентичной, отличной от «молвы» и «толков» речью.

[Характерно, что в плане поэтики, как это заметил уже Кирилл Бутырин, многие, особенно более ранние, стихи Стратановского, из тех, что на злободневные темы, — «это отклик на отклик, на отражение факта в массовом сознании, в безличном *Man*, говоря проще — на толки и пересуды о факте»⁶. Иными словами, Стратановский и Тыкву (*Das Man*) во многих стихах заставляет работать на себя.]

Как бы то ни было, уже с первого своего стихотворения Стратановский работает с экзистенциальной угрозой духовного уничтожения, черпая в осознании и переживании этой угрозы силы для пробуждения к собственному бытию и творчеству. Если же вернуться к стихотворению «Ты — человек асфальта», то можно заметить, что в обсуждаемом нами сборнике (точно так же и в «Изборнике») вслед за ним идет другое написанное в том же году стихотворение, во многом антагоничное предыдущему:

В теле душевном моем,
Теле замызганном
светится точка одна
Микромир какой-то.

Может быть, это звезда,
но иного, невнешнего неба.
Или это тот самый, о ком
Говорить мы привыкли
своим языком раболепным
Как о Господе нашем
и о Судье дел наших...

1998 (с. 101)

Знаменательно соседство этих двух, таких как будто разнонаправленных, текстов. Казалось бы, «человек асфальта» обречен быть закатанным в него, но нет: тут же, в следующем тексте, не кто иной, думаю, как он же (ведь «Человек асфальта» — название сборника, и можно предположить, что Стратановский так определил своего лирического героя в целом, а значит, и героя каждого стихотворения), обнаруживает в себе то, что сам осторожно соотносит с трансцендентным началом, но не чуждым и внешним по отношению к своему собственному бытию (чуждым мыслится Господь и Судия в «раболепном» религиозном дискурсе), но присущим внутреннему человеку. Присущим, заметим, не как-то «догматически» (то есть по определению человеческой природы), а открываящимся, словно точка света во тьме. Смирившись до «асфальта» (как смириялись некогда «до земли»), признав в нем свое происхождение в предыдущем стихотворении, в следующем тексте того же года поэт открывает в себе залог того, что не может быть «закатано в асфальт».

6 Бутырин К. Поэзия Сергея Стратановского // Памяти Кирилла Бутырина. Статьи, пеписка, интервью, воспоминания. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. В. Бутырина, С. Стратановский; под ред. А. Арьева, С. Стратановского. СПб.: Юолукка, 2019. С. 86—87.

Приведенных примеров, думаю, достаточно, чтобы понять, что стихи Стратановского следует воспринимать не порознь, как какие-то отдельные шедевры (притом что шедевры в сборнике тоже есть), но в совокупности и в диалоге друг с другом. Шедеврален и совершенно удивителен весь сборник Стратановского в целом. Еще Кирилл Бутырин, в первом, еще самиздатском, обширном исследовании, посвященном поэзии Стратановского (Обводный канал. 1981. № 1), заметил, что он пишет стихи так, что относительно них возникает вопрос: да стихи ли это? В своей поэзии он находится не внутри обеспеченного предыдущими поэтами (наиболее значительными из них) понимания поэзии (что и считается поэтической традицией), но где-то на границе, все время рискуя и в конечном счете раздвигая наши представления о поэзии. Это впечатление, хотя Стратановский давно уже стал признанным поэтом, лауреатом всевозможных престижных премий, остается от его стихов и по сей день. Одним из важнейших элементов такого риска, начиная, наверное, с 1990-х, как заметил еще Виктор Кривулин, является незащищенное прямое высказывание⁷, чистосердечность и простота которого требуют для своего адекватного восприятия от читателя хотя бы отчасти стать таким же. В этом может быть главное «силовое» воздействие (а стихи Стратановского обладают немалой силой, по-своему властны, как заметил тот же Кривулин), требующее от читателя простоты и сердечности (пробуждая к ним), не вообще и не безотносительно (чем была бы наивная душевность и искренность), но применительно к каким-то главным, последним, ну или хотя бы предпоследним, вопросам.

Обнаруженный выше основной вектор поэзии Стратановского — из «тьмы подботиночной» и угрозы духовного уничтожения к свету собственного бытия, воспринимаемому только в чистоте и простоте, — подтверждается и последним стихотворением сборника. О первом — «Тыква» и центральном — «Ты — человек асфальта» я уже сказал, теперь пора сказать и о последнем. В целом стихи в сборнике расположены более или менее в хронологическом порядке; когда же порядок нарушается, за этим стоит какой-то особенный авторский замысел. Именно так и происходит с последним текстом, который, хотя и датируется 2013 годом, отнюдь не последним во временном охвате сборника, но замыкает его (как является он последним в разделе собственно стихотворном в «Изборнике», где, впрочем, дальше идут драматические отрывки). Вот эта вещь:

7 См. послесловие В. Кривулина «Сквозь призму боли и ужаса» в книге: *Стратановский С.* Тьма дневная: Стихи девяностых годов. М.: Новое литературное обозрение, 2000 (<http://www.vavilon.ru/texts/krivul6.html>).

Карабкайся по ней —
площадки, двери, ниши...
Пусть с передышками,
но выше, выше, выше...
И, наконец, чердак,
но есть еще за ним
Ступени белые,
ведущие на небо,
Навстречу ангелам...

Собственно, в этом, опять же требующем для своего адекватного восприятия простоты и чистосердечия, стихотворении и указан основной вектор, духовная направленность поэзии Стратановского, как и то, ради чего ее стоит читать. Ею обозначен путь из тьмы, с ее нависшей над «человеком асфальта» угрозой духовного уничтожения, через дворы, пустоши с их запустеньем, грязью и следами как будто бы крестных мук, и дальше в каком-то заброшенном доме, по лестнице-лествице к небу, свету и ангельскому бытию. Таков же путь поэта, как он сам его обозначил в этом сборнике — своим первым, центральным и последним стихотворением.

Поэт и сам идет этим путем (а сборник охватывает, пусть и пунктирно, без таких подробностей и отступлений, как более полный «Изборник», весь, до сих пор пройденный, его творческий путь⁸), и тех, кто захочет идти за ним и вместе с ним, читателей его стихов, может провести тем же путем. И здесь я хотел бы обратиться к одному стихотворению сборника, которое, не скрою, стало для меня толчком к написанию этой статьи. Я уже писал выше, что Стратановский с самого начала своего творчества отказался от отождествления своего лирического героя с «поэтом». В сборнике «Человек асфальта» есть стихотворение, в котором он уравнивает по значимости с любым творческим трудом, в том числе и писательским или трудом ученого или композитора труд совсем иного рода:

Просто поводырём
Для слепого
и костылём для калеки
Быть в этой жизни
и в достоинстве стать наравне
С человеком творящим —
с писателем, с изобретателем,
С композитором звуков,
объёмов и красочных масс
И с учёным
творцом и спецом
По загадкам научным,
а также с врачом наилучшим
Бровень стать, наравне...
Человеком вполне, пусть не гением
И в ином неумелом.

2009 (С. 154)

8 Если учесть даты в названии, получится своего рода Пятидесятница!

Первый смысл этого стихотворения предельно ясен: труд поводыря ничем не менее почетен, чем так называемый творческий труд или труд лучшего врача. С этим нельзя не согласиться. Но верно и то, что слова эти произносит от первого лица поэт, который в стихотворении (по самому определению лирической поэзии) отождествляется с тем поводырем и костылем, от имени которых ведет речь. Так что мало сказать, что Стратановский в своей поэзии не входит в роль поэта, не избирает поэта своим лирическим героем. Следует сказать, что он (свободный для этого, в отличие от многих других стихотворцев) избирает лирическими героями других. Мы уже видели, что таким был для него «человек асфальта», а в приведенным выше стихотворении это «поводырь» и «костыль». Поводырь — это тот, кто, в отличие от слепого, видит, куда идет, а костыль — то, на что можно при ходьбе опереться. Именно в этом качестве поэт и может выступить для читателя, если только он умалится до слепого и хромого (признает себя таковым), как умалился прежде до них сам поэт, ибо, чтобы быть поводырем другим, нужно прежде всего стать поводырем своему внутреннему слепцу, провести его от тьмы к свету. Именно такой вектор, как мы убедились, и является главным в поэзии Стратановского.

Что до темы «поводыря», то она в приведенном выше стихотворении появляется у поэта не впервые. Есть еще одно замечательное стихотворение (оно не вошло в сборник 2021 года, как не вошли в него вообще все длинные стихи и поэмы), где у Стратановского встречается «поводырь». Это вошедший в «Изборник» «Диспут» 1979 года, в котором в стихотворной форме различные герои представляют различные богословские позиции по вопросу о бытии Божием и доказательствах его. Вот интересующие нас строфы из «Диспута»:

Новый богослов:

Да, Бог всегда молчит.
Он без ушей и глаз,
Он путнику в ночи
Поводыря не даст.
Голодному в ладонь
Он не насыплет крох.
В вецах погас огонь.
Нам не поможет Бог.

Просто верующий:

Но брезжит свет во тьме,
и в этом смысл вещей,
И нищему в корчме
дадут тарелку щей.
И на пути слепой
найдет поводыря.
Бог рядом. Он с тобой.
Ты сотворен не зря⁹.

Итак, если «новый богослов» (модернист?) отстаивает позицию совершенной оставленности мира Богом, который «поводыря не даст», то «просто верующий», или верующий просто, высказывает свою веру, что слепой поводыря найдет, и в этом поводыре, как видно из контекста, и будет Бог, который рядом, то есть наш ближний. Именно эти строчки, я думаю, сознавал он это или нет, отозвались в стихотворении Стратановского 2013 года «Просто поводырем...», которое, помимо своего очевидного и абсолютно убедительного гуманистического смысла, имеет, как я старался выше показать, и тот, что относится к поэзии автора этого стихотворения, ставшего поэтом-поводырем на пути, которым идет сам, из тьмы — к ангелам.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не была мной на время обойдена одна важная тема. Выше я писал так, словно само собой ясно, о какой тьме и каком асфальте (из которых идет к свету поэт) в стихах Стратановского идет речь. Приведенные выше стихи об этом хороши тем, что они написаны на таком языке, используют такую образность, что ни к какой исторической конкретике не привязаны. Подобная обобщенность образов Стратановского, как, например, в «Тыкве», является залогом выживания его поэзии в других исторических обстоятельствах, нежели те, в каких это было написано, и способствует пониманию его стихов в самом общем метафизическом и философском смысле. Но вместе со стихами, где поэт возвышается до такой степени обобщения, в его сборнике есть и множество других, в которых он погружен в историю с ее страшной конкретикой в самом прямом и непосредственном смысле.

Эти стихи Стратановского тоже важны и по-своему замечательны. Собственно, именно в них конкретизируется, что именно в историческом измерении и смысле стоит за более обобщенным «асфальтом», в который могут закатать душу, говоря этим же мифопоэтическим языком. «Асфальт» здесь, конечно, не просто символ урбанистической цивилизации, противопоставленный земле, лесу и природе. Лес, точно так же, как город, вся земля, все Отечество, которое оплакивает, которому сострадает и которое «не умеет судить»¹⁰ поэт, «полнится смертью», как он говорит, например, в этом стихотворении 2013 года:

Бернгардовка

Несколько лет
Мы с женой отдыхали на даче
В Бернгардовке, неподалеку от леса,
Мусорного на опушке,
но в глубине всё же чистого.

А за ним было кладбище и шоссе
Вдаль уходящее,
вдоль перелесков и стрельбища.

Вспомнил я, что когда-то,
безусым студентом будучи,
Был я там.
Нас возили туда

¹⁰ Ср. строчки: «Я тебя не умею судить, / Отечество» (с. 56).

На учебные стрельбы.

Так вот повсюду земля
Полнится смертью и не уйти никуда.
В перелесках не спрятаться,
и за дачной оградой не спрятаться.

2013 (C. 163)

Стратановский — один из немногих, после смерти Кривулина чуть ли не единственный большой поэт, не только хранящий память о страшном прошлом, но и во многих стихах проводящий прямые и косвенные связи между русской катастрофой XX века, периода Гражданской войны, сталинщины и советского периода в целом, с тем перманентным духовным, идеином и политическим кризисом (мягко говоря), в котором Россия находилась в девяностые, нулевые годы и находится сейчас. В этом смысле его стихи представляют собой яркий и едва ли не уникальный пример того, что можно было бы назвать поэзией после ГУЛАГа. С тем важным уточнением, что для Стратановского никакого «после», собственно, и нет. «ГУЛАГ» в других измерениях и других формах (в том числе в попытках забыть о нем и запретить его память), присутствует и дает себя знать во всей советской и постсоветской истории, и стихи Стратановского — ясное и недвусмысленное свидетельство и память об этом. На эту миссию поэзии Стратановского, как он сам признает, повлиял его друг, один из основателей «Мемориала»* Арсений Рогинский, которому посвящено пронзительное стихотворение сборника — «Строки историку» (1977¹¹) (с. 29).

Именно в этом контексте следует понимать, я полагаю, и образ происхождения из асфальта («мерзкой подботиночной тьмы») и «закатывания в асфальт», каким бы обобщенно метафизическим он ни был. Мы все происходим из этого страшного прошлого, полного ненависти, попрания человека государством и человека человеком, насилия и смертоубийства, и нам грозит быть и оставаться его, этого прошлого, детьми, вернуться туда, откуда мы произошли, совершив то движенье по кругу, которое описано в одном из стихотворений сборника:

Лагерная дорога
Кольцевая, и ходит по ней
Трёхвагонный состав
с паровозом усталым и старым,
С машинистом — тоже из заключённых.

11 Написанное в год первого обыска на квартире Рогинского, это стихотворение, его последние строчки, стало в определенном смысле пророческим. Вот эти строчки: «Шарить в стране беспамятства — / вот ремесло историка. / Дело разведчика Божьего, / праведный шпионаж», — которые по-особому прочитываются в контексте объявления «Мемориала»* иноагентом.

Так что если и спрячешься
За мешками какими-то,
в тёмном углу вагонном
И поедешь,
то круг отмотав, вновь окажешься
В том же самом лагпункте...

2009

Этот круг — вернуться туда, откуда происходишь, в тот же лагерь, тот же духовный ГУЛАГ (не только в историческом, но и в нравственном и метафизическом смысле) — и пытается разорвать Стратановский. Именно из этого круга он, поэт-поводырь, поэт-костыль, выводит своего «человека асфальта», подставляя и нам, читателям, таким же людям асфальта, свою руку, чтобы опереться, и свое зрение, свои глаза, чтобы выйти из этой подботиночной тьмы — к небу и ангелам.

* Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» признано в Российской Федерации некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента. — Примеч. ред.